

Вернувшись в комнату, Фан Сынун первым делом отправился в душ. Он находился слишком близко к Хуа Тяньсяо, и на его кожу и одежду неизбежно попала чужая кровь.

К счастью, помимо бежевого комплекта, Юй Цюся прихватил в лавке еще несколько вещей на смену — в конце концов, в своем парадном костюме он ходил уже не первый день.

Смыв с себя грязь, Сынун переоделся в то, что выбрал для него Юй Цюся, и вышел в спальню.

Стиль Юй Цюся всегда отличался утонченностью, под стать какому-нибудь небожителю. Вот и выбранная им белая рубашка оказалась мягкого, струящегося кроя, с деликатными рюшами на воротнике и манжетах. И хотя дешевизна подделки бросалась в глаза, в её фасоне легко угадывалось подражание изысканной моде средневековой европейской знати.

Эта сорочка была куда светлее прежней, бежевой — почти кипенно-белой, отчего смоляные волосы и темные глаза Сынуна казались еще чернее.

Сынун чувствовал себя не в своей тарелке. Он всегда считал, что светлые тона ему не идут: смугловатая кожа, слишком темные глаза и волосы — контраст получался кричащим. Подобные сочетания он допускал разве что на съемочной площадке, когда требовалось создать авангардный или зловещий образ.

Однако Юй Цюся, похоже, остался доволен. Когда Сынун переступил порог, в его взгляде на мгновение вспыхнуло одобрение — едва заметное, мимолетное, но Сынун знал этого человека слишком хорошо, чтобы ошибиться.

Впрочем, Юй Цюся промолчал. Лишь скользнул мимо него в ванную комнату, бросив на ходу:

— Я тоже ополоснусь.

— Хорошо, — кивнул Сынун и, пристроившись на краю постели, принялся вытирать волосы полотенцем.

К тому времени как Юй Цюся вышел, Сынун уже сидел на кровати, хмурясь и глубоко уйдя в свои мысли.

Заметив, что тот не стал мыть голову, Сынун ощутил легкий укол разочарования, но вида не подал, вернувшись к своим безрадостным размышлениям.

Юй Цюся тем временем небрежно швырнул банное полотенце на спинку стула и направился напрямик к его постели.

Сынун с недоумением следил за его движениями. Но когда Юй Цюся бесцеремонно опустился

на край матраса и, закинув ногу, уже собрался юркнуть под одеяло, Сынун наконец опомнился:

— Ты что творишь?

— Ты же сам подышал от страха, — отозвался Юй Цюся как о чем-то само собой разумеющемся.

— Буду рядом, ничего с тобой не случится.

— Не надо, — поспешно отрезал Сынун. — Не ложись со мной.

Юй Цюся удивленно изогнул бровь:

— А я думал, ты спишь и видишь, как бы оказаться со мной в одной постели.

— Не надо... уходи к себе. — Сынун уперся ладонями ему в грудь, пытаясь спихнуть с кровати.

Юй Цюся, сидевший на самом краешке и не успевший толком устроиться, никак не ожидал от него такого отпора. Потеряв равновесие, он неловко повалился на пол.

В первый миг Юй Цюся едва не вскипел от злости, но не успел вымолвить ни слова: Сынун пулей вылетел из-под одеяла, опустился перед ним на колени и бережно обхватил его ладони, которыми тот упирался в пол:

— Ты не ушибся?

Юй Цюся усмехнулся, глядя на него снизу вверх:

— И после такой заботы ты все еще гонишь меня?

Сынун встретился с ним взглядом и закусил губу.

— На мне сегодня была кровь. Держись от меня подальше.

Юй Цюся высвободил руки, и его голос заметно похолодел:

— Я же сказал, что все будет в порядке. Ты мне не веришь?

Раньше при таком тоне Сынун уступил бы без колебаний, но сейчас проявил поразительное упрямство:

— Лучше перестраховаться.

Это разозлило Юй Цюся еще сильнее. В нем разыграло глупое упрямство.

— Если суждено случиться беде, думаешь, соседняя койка меня спасет?

Лицо Сынуна мгновенно утратило все краски.

— Тогда... тогда я уйду в ванную? — Он поднялся, готовый немедленно запереться там.

— Вернись! — Юй Цюся перехватил его за запястье и рявкнул: — Кому сказано, все будет нормально! Ложись и спи!

Но Сынул вдруг сорвался на крик:

— Нет! Нет! Не надо! Не хочу! Не ложись со мной, слышишь?!

Его затрясло в крупной, неостановимой дрожи. Юй Цюся мгновенно сообразил, что тот находится на грани нервного срыва.

— Ладно, ладно... не буду, — примирительно пробормотал Юй Цюся, поднимаясь с пола. Он встал вплотную к нему и, скользнув взглядом по ладони, все еще сжимавшей его запястье, тихо спросил: — Но за руку-то поддержать можно?

Сынул, силясь подавить вспышку паники, отвел глаза.

— Нет. Нельзя... Просто отойди.

Делать было нечего. Юй Цюся вздохнул и послушно улегся на свою кровать.

Свет погас. Комната погрузилась в глухую темень, в которой едва брезжил бледный отсвет уличного фонаря, пробивавшийся сквозь москитную сетку.

«Как же все до этого дошло?»

Юй Цюся лежал, уставившись в потолок.

Сам будучи постоянным клиентом психиатров, он без труда распознал тревожные симптомы: Сынуну явно требовалась помощь специалиста. Вот только ходил ли он к врачу? Принимал ли прописанные лекарства?

Размышления не приносили облегчения, сон не шел. Тоскливо вздохнув, Юй Цюся повернулся на бок и глянул в сторону соседней кровати.

В темноте, прямо над подушкой Сынуна, тускло мерцали два влажных огонька.

От удивления он даже тихо рассмеялся:

— Ложиться вместе не хочешь, за руку взять не даешь, закатываешь истерики... а сам лежишь впотьмах и пялишься на меня. Сынун, ты совсем с катушек съехал?

— Извини... Я не хотел сорваться, — тихо донеслось из темноты. — Прости меня.

Юй Цюся присмотрелся: влажные отблески никуда не делись. Сынун продолжал неотрывно смотреть на него.

В груди у Юй Цюся что-то дрогнуло, гнев бесследно испарился.

— Спи уже, — мягко сказал он. — Все хорошо. Не бойся.

— Хорошо, — отозвался Сынун.

Но взгляда так и не отвел. В кромешной тьме он различал лишь неясный силуэт на соседней койке и даже не догадывался, что слабая уличная изморозь света выдает его, отражаясь слезами в глазах.

«Я ведь скоро умру, — думал он. — Каждая секунда рядом с ним — последняя. Нужно запомнить его лицо, пока могу...»

Разумеется, уснуть Сынун так и не смог. Ближе к полуночи, точно по расписанию, раздался знакомый, леденящий душу стук, преследовавший их все эти ночи.

Только на этот раз он звучал пугающе близко.

Понимая, что Юй Цюся тоже бодрствует, Сынун негромко, на удивление спокойно произнес:

— Кажется, эта тварь уже под нашей кроватью.

— Цыц, совсем про нее забыл, — легкомысленно отозвался Юй Цюся. — Ерунда, завтра же с ней разберемся.

Как ни странно, ночь прошла без происшествий.

Сынун пролежал без сна до самого рассвета, не сводя глаз с размытого силуэта на соседней кровати.

Утреннее солнце застало его в состоянии полного оцепенения. Бессонные ночи были привычным делом в его профессии, но сейчас, пережив очередное свидание со смертью, он чувствовал себя опустошенным. Вся ночная лавина тяжелых мыслей и страхов с первыми лучами солнца будто испарилась, оставив лишь звонкую пустоту в голове.

Юй Цюся поднялся бодрым и спокойным. Ни словом не упомянув ночную сцену, он быстро привел себя в порядок, и они вместе направились в столовую.

Но стоило Сынуну толкнуть входную дверь, как его пальцы судорожно дернулись, и он застыл на пороге.

Выглянувший из-за его плеча Юй Цюся тоже замер от увиденного.

Из-под двери соседнего, третьего номера темной струйкой сочилась свежая кровь. Чуть поодаль, повернувшись к ним спиной, монотонно орудовал шваброй уборщик.

Не сговариваясь, они перешагнули через багровую лужу и торопливо проскользнули мимо жуткой фигуры, стараясь не привлекать внимания.

Лишь спустившись на два пролета вниз, Сынун позволил себе перевести дух. Сердце бешено колотилось о ребра.

— Этот уборщик... он что, ожил?

Юй Цюся лишь неопределенно качнул головой и прибавил шаг, увлекая его за собой в обеденный зал.

К их величайшему изумлению, Юань Гуаньцзюнь как ни в чем не бывало сидела за своим привычным столиком.

— Лу Шэн мертв, — буднично сообщила она, едва они подошли к столу. — Вчера он хвастался, что разглядел лицо уборщика.

Юй Цюся опустился на стул и довольно равнодушно поинтересовался:

— А вы как, в порядке?

— Чудом уцелела.

Сынуну показалось, что Юань Гуаньцзюнь скользнула по нему изучающим взглядом, но развивать тему она не стала. Вместо этого спросила:

— Какие планы на сегодня?

Глядя на колымагу перед собой, Сынул всерьез засомневался, что его убьет местная нечисть. Куда более вероятным казалось разбиться насмерть в банальной автомобильной аварии посреди этого безумного мира.

Прямо сейчас он, Юй Цюся и Цзин Шипин созерцали ржавое корыто, которое Старый Цзин умудрился подлатать на днях.

И если эпитет «ржавое корыто» подходил машине идеально, то заявление «я ее починил» вызывало у Сынуна глубочайший скепсис.

Утренний план Юй Цюся застал всех врасплох: он вознамерился наведаться в Восточную и Западную тюрьмы, чтобы раздобыть личные дела Монстра.

Сразу после завтрака они заскочили в местный полицейский участок, надеясь разузнать, где именно содержался их преследователь. Однако царивший там хаос в сочетании с непреодолимым желанием дежурного клерка поскорее уйти домой свели все усилия на нет. Тот не смог ответить даже на такой элементарный вопрос.

Пришлось разделиться и проверить оба места.

Цзин Шипин, Юй Цюся и Сынул погрузились в свежееотремонтированную развалюху и двинулись на восток. Яо Ван, Юань Гуаньцзюнь, Чу Шэньнань и Пу Тяньбай забрали фургон цветочника и взяли курс на западную тюрьму. Закупившись в лавке картами, компасами и расспросив местных о дороге, обе группы покинули город.

Доктор Чжань Чэнсяо остался в городе приглядывать за раненым Хуа Тяньсяо.

Оказавшись за городскими воротами, поисковые отряды обнаружили перед собой бескрайнюю пустошь без единого ориентира. Почувяв неладное, Сынул велел Цзин Шипину и Яо Ван развернуться. Они вернулись в город, где Сынул скупил в лавке товаров для аквариумов все запасы яркого цветного гравия. Снарядив машины этим нехитрым грузом, они двинулись в путь снова, договорившись через равные промежутки выбрасывать на дорогу по горсти приметных камешков.

Он очень надеялся, что это лишь избыточная мера предосторожности и им не придется столкнуться с внезапным отказом компасов.

По заверению местных торговцев, обе тюрьмы находились примерно на одинаковом расстоянии от города — около трех часов езды.

Дорога обошлась без приключений, и ровно в полдень экипаж Сынуна затормозил у ворот Восточной тюрьмы.

Это мрачное сооружение на склоне горы больше походило на неприступную военную крепость. Массивные каменные стены и вышки часовых внушали трепет — трудно было поверить, что отсюда вообще возможно сбежать.

У Сынуна противно засосало под ложечкой от мысли, что их могут развернуть на входе, однако Юй Цюся на ресепшене с самым невозмутимым видом извлек из кармана полицейский жетон.

Стянул-таки утром в участке, пока никто не видел.

Сынун едва сдержал восхищенный вздох перед такой наглостью, а дежурный тем временем уже нес из архива пухлую папку с делом Монстра.

Смотритель на входе оказался на редкость дружелюбным:

— Надо же. Неужели бездельники из Белого города решили наконец заняться работой?

Юй Цюся притворно вздохнул и покачал головой:

— Служба... Куда деваться.

А сам уже вовсю листал пожелтевшие страницы.

Им повезло: Монстр действительно отбывал срок именно здесь.

Но когда Юй Цюся перевернул титульный лист и перед ними предстал крупный портрет заключенного, Фан Сынуна мгновенно обдало ледяным потом — в памяти с кошмарной отчетливостью всплыл тот день, когда он впервые столкнулся с этим лицом лицом к лицу.